

Іоаннъ Грозный.

Правленіе Елены. Послѣ смерти Василія III правленіе перешло въ руки княгини Елены.

Въ ея правленіе въ Москвѣ были построены крѣпостныя стѣны Китай-города. Кремль былъ въ полномъ устройствѣ. Стѣны, храмы, дворецъ — все было ново, крѣпко и красиво. Василій III думалъ обнести крѣпкою оградой и Торговый посадъ. Смерть помѣшала ему это исполнить. При княгинѣ же Еленѣ «хитрецы (размыслы — инженеры) устроиша градъ земляной (т.-е. ограду) вельми мудро, наченъ отъ каменныя большія стѣны (кремлевской) и сплетяху тонкій лѣсъ (хворостъ) около большого древія и внутрь насыпаху землю, и вельми крѣпко утверждаху, и ведоша по рѣкѣ Москвѣ, и приведоша къ той же каменной стѣнѣ, и на версѣ (верху) устроиша градъ древянъ, по обычаю (т.-е. помость съ кровлею для защиты). Нарekoша граду имя Китай». Такъ передаетъ лѣтопись извѣстіе о сооруженіи стѣнъ Китай-города.¹⁾

Но деревянные стѣны скоро были замѣнены каменными. Правительница повелѣла «градъ камень ставить подлѣ земляной городъ». Новыя стѣны охватили часть Большого посада, гдѣ производилась торговля. Начали строить и новыя каменные лавки, въ которыхъ торговали европейскими и азіатскими товарами.

При великомъ князѣ Василіи изображался на деньгахъ князь съ мечомъ въ рукѣ, а теперь сталъ изображаться съ копьемъ въ рукѣ. Отсюда и произошло названіе «копейка».

Но вообще правленіе Елены было печальнымъ временемъ борьбы бояръ, такъ какъ некому было положить конецъ боярскимъ несогласіямъ. Сама княгиня находилась подъ

¹⁾ Слово «китай» значитъ, по толкованію нѣкоторыхъ, веревка, сплетенная или свитая изъ травы, соломы или прутьевъ, употребляющаяся для вязки одоньевъ, скирдовъ. Такимъ образомъ Китай-городъ значитъ «плетеничный». Другіе же думаютъ, что Китай—средній городъ.

влияніемъ своего любимца Телешнева-Оболенскаго, который самъ боялся того, чтобы не отняли у него власть родственники княгини. Поэтому изъ-за него пострадалъ дядя Елены Михаилъ Глинскій. Братъевъ покойнаго князя тоже постигла жестокая участь. Ихъ заключили въ тюрьму, гдѣ они умерли.

Правленіе бояръ. Дѣтство Грознаго. Елена правила 5 лѣтъ. Говорить, что ее отравили бояре. Іоаннъ остался въ 8 лѣтъ круглымъ сиротой. Правленіе перешло къ Боярской думѣ. Между боярами продолжались несогласія и соперничества. Спорили Бѣльскіе и Шуйскіе, очень знатные и родовитые бояре. Когда дѣлами распоряжались Шуйскіе, очень тяжело жилось народу, они отягощали народъ непосильными податями, были неумолимо жестоки. Правленіе Бѣльскихъ было лучше. Къ сожалѣнію, скоро Бѣльскаго сослали на Бѣлоозеро, гдѣ приближенные Шуйскаго умертвили его въ тюрьмѣ. Шуйскіе побѣдили. Но на пути имъ сталъ Ѳ. Воронцовъ, успѣвшій пріобрѣсти расположеніе великаго князя.

Однажды въ присутствіи великаго князя на боярскомъ совѣтѣ трое Шуйскихъ и нѣкоторые ихъ сообщники напали на Воронцова, били его по щекамъ, оборвали платье и хотѣли убить до смерти. Только просьба самого Іоанна спасла отъ смерти Воронцова. Шуйскіе повели Воронцова съ дворцовыхъ сѣней съ позоромъ, били, толкали и отдали подъ стражу. Князь ходатайствовалъ за своего любимца, пославши къ Шуйскимъ митрополита и прося ихъ, чтобы они не усылали далеко Воронцова, отправили бы его въ Коломну. Не вняли бояре ходатайству великаго князя: Воронцовыхъ сослали въ Кострому. Лѣтопись прибавляетъ: когда митрополитъ ходилъ отъ государя къ Шуйскимъ, то одинъ изъ бояръ наступилъ на мантию митрополита и разорвалъ ее.

Наконецъ мѣра терпѣнія Іоанна переполнилась. Неожиданно въ Іоаннѣ явилось сознаніе своей власти. Онъ велѣлъ схватить перзаго вельможу Андрея Шуйскаго и отдать его псарямъ. Шуйскій былъ убитъ.

Это событіе внушило страхъ боярамъ передъ княземъ, которому исполнилось только 13 лѣтъ. Отъ природы Іоаннъ

былъ умный и съ чуткою душою. Тяжело жилось ему въ дѣтствѣ, лучшей порѣ человѣческой жизни. Не было около него человѣка, который бы любилъ его, нѣжно относился къ нему. Тотчасъ послѣ смерти матери отъ него отняли его воспитательницу (мамку), къ которой онъ былъ болѣе чѣмъ къ кому-либо привязанъ. Онъ остался одинокъ. Вокругъ него толпились люди грубые, жестокіе, которыхъ онъ не только не могъ любить, но боялся. Они не заботились о князѣ и не берегли его. Разъ Шуйскій напалъ ночью на митрополита Іосифа, сторонника Бѣльскихъ. Митрополитъ успѣвши укрыться во дворцѣ князя. Мятежники разбили окно, бросились за митрополитомъ, вломились съ шумомъ въ опочивальню великаго князя, разбудили и напугали его. Самъ Іоаннъ въ послѣдствіи воспоминалъ съ горечью о своемъ дѣтствѣ. «Бывало, мы (онъ да братъ его Юрій) играемъ, а князь Иванъ Васильевичъ Шуйскій сидитъ на лавкѣ, локтемъ опершись о постель нашего отца, ногу на нее положивъ».

Іоанна плохо кормили, плохо одѣвали, а между тѣмъ расхищали казну его родителей.

Шуйскіе, которые при Еленѣ имѣли шайку ветхую, шубу мухояровую на куньемъ мѣху, наковали себѣ золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ и написали на нихъ имена своихъ родителей, — но всѣмъ было извѣстно, что это — казна княжеская.

А между тѣмъ эти бояре окружали тронъ князя и относились къ нему, какъ къ повелителю, съ трехлѣтняго его возраста. Это обстоятельство пріучило Іоанна смотрѣть на себя, какъ на властителя, для котораго всѣ остальные — рабы.

Ученіе еще болѣе укрѣпило его въ этой мысли. Учили его по Часослову и Псалтири, гдѣ онъ изучалъ и затверживалъ выраженія о царѣ, помазанникѣ Божіемъ, и нечестивыхъ совѣтникахъ. «Эти нечестивые совѣтники — бояре», думалъ Іоаннъ.

Вѣнчаніе Іоанна на царство. 17 лѣтъ отроду, созвавъ бояръ, Іоаннъ сказалъ имъ, что онъ намѣренъ жениться, хотѣлъ было онъ искать невѣсту въ другомъ государствѣ,

по передумать и намѣренъ жениться на русской. При этомъ онъ объявилъ боярамъ, что прежде женитьбы онъ желаетъ вѣнчаться на царство, по примѣру своихъ прародителей, начиная съ Владимира Мономаха. Это послѣднее поразило бояръ. Они говорили, что государь такъ молодъ, а «прародительскихъ правъ поискалъ».

16 января 1547 г. въ Успенскомъ соборѣ было совершено коронованіе, вѣнчаніе на царство: послѣ пѣнія «Святый Боже» на государя возложили животворящій крестъ, бармы и вѣнецъ Мономаха. Царь возсталъ на тронъ, поставленный рядомъ съ сѣдалищемъ митрополита.

Послѣ онъ соорудилъ себѣ царское мѣсто, особый тронъ, и теперь еще существующее въ московскомъ Успенскомъ соборѣ. Это мѣсто такъ и называется трономъ Мономаха. Оно устроено въ видѣ шатра на четырехъ столбахъ. Верхъ поддерживаютъ 4 символическихъ животныхъ: левъ или скименъ, гіена и еще два, называвшіяся остроганами. На самомъ тронѣ сдѣланы надписи и вырѣзаны изображенія изъ жизни Владимира Мономаха.

Послѣ вѣнчанія на царство совершилась женитьба Іоанна. Были разосланы грамоты, чтобы князья, бояре и дворяне прислали своихъ дочерей-дѣвицъ на смотръ намѣстникамъ. Намѣстники отдѣляли самыхъ красивыхъ и посылали въ Москву. Выборъ Іоанна палъ на дочь окольного Romana Юрьевича Захарина-Кошкина. Такимъ образомъ, домъ Рюрика породнился съ домомъ Романовыхъ. Свадьба царя сопровождалась исполненіемъ всѣхъ народныхъ обрядовъ. Родной братъ царя Юрій сидѣлъ за столомъ «въ большомъ мѣстѣ», конюшій Михайло Глинскій вѣдиль во всю ночь около подклѣти. Юрій Глинскій «стлалъ постели и водилъ новобрачнаго царя въ мыльню». Черезъ двѣ недѣли послѣ свадьбы новобрачные отправились къ Троицѣ на богомолье, при чемъ царь, несмотря на зиму, шелъ пѣшкомъ.

Умная и добрая Анастасія оказывала благотѣльное вліяніе на своего мужа, который ее горячо любилъ. Кромѣ этого, на Іоанна въ добрую сторону повліялъ случившійся въ іюнь того же года въ Москвѣ страшный пожаръ.

Пожаръ Москвы. 3 іюня въ Кремлѣ съ деревянной звоницы упалъ большой колоколъ благовѣстникъ. У колокола отбилися уши. Это событіе считалось дурнымъ предзнаменованіемъ. Царь приказалъ какъ можно скорѣе придѣлать уши къ колоколу. 21 іюня вспыхнулъ пожаръ. Онъ начался на Арбатѣ. Бурей огонь погнало въ Кремль. Загорѣлся верхъ Успенскаго собора, крыша царскихъ палатъ, Благовѣщенскій соборъ съ живописью знаменитаго иконописца Андрея Рублева. Выгорѣли Чудовъ и Вознесенскій монастыри, всѣ боярскіе дома въ Кремлѣ. Пожаръ перешелъ въ Китай-городъ. Митрополитъ Макарій едва не задохся отъ дыму, спасая икону Богоматери, писанную св. Петромъ. Съ Тайницкой башни Макарія стали спускать на Москворѣцкую набережную по веревкѣ, но веревка оборвалась, владыка упалъ и расшибся. Во время пожара погибло около 2.000 народу.

Царь съ семействомъ уѣхалъ въ ближнее село Воробьево. Среди народа пошли нелѣпые слухи о томъ, что причиною пожара были волхвованія Глинскихъ. Бабка царя, княгиня Анна, будто разрывала могилы и изъ покойниковъ сердца вынимала, высушивъ ихъ, толкла, порошокъ сыпала въ воду, а тою водою, ѣздя по Москвѣ, улицы кропила, отъ того будто бы и Москва сгорѣла. Разъяренная толпа умертвила одного изъ братьевъ Глинскихъ, спрятавшагося было въ Успенскомъ соборѣ. Мятежники явились даже въ самое Воробьево и требовали выдачи остальныхъ Глинскихъ. По приказанію Іоанна мятежники были схвачены и казнены, и бунтъ прекратился.

Какъ все это отразилось на душѣ Іоанна, свидѣтельствуемъ онъ самъ въ слѣдующихъ словахъ: «Вошелъ страхъ въ душу мою и трепетъ въ кости мои, смирился духъ мой, умилился я и позналъ согрѣшенія свои».

Теперь царь все свое вниманіе обращаетъ на дѣятельность правительственную. Главными его совѣтниками въ дѣлѣ правленія сдѣлались: протопопъ Благовѣщенскаго собора Сильвестръ, которому приписываютъ составленіе книги «Домострой», заключающей въ себѣ древне-русскія правила жизни, и одинъ изъ царскихъ «спальниковъ»,

Алексѣй Адашевъ, возведенный потомъ въ санъ окольничаго.

Земскій соборъ. Первый самодержавный русскій царь созывалъ и первый *Земскій соборъ*. Помня многіе безпорядки боярскаго правленія, царь находилъ, что мало одной Боярской думы для совѣта и управленія. Государь пожелалъ, чтобы о положеніи народа ему рассказали выборные отъ служилыхъ людей въ уѣздахъ и отъ посадскихъ въ городахъ. вмѣстѣ съ боярами и высшимъ духовенствомъ они и составили первый Земскій соборъ. Крестьяне на этомъ соборѣ еще не участвовали.

Когда всѣ собрались вмѣстѣ, царь съ духовенствомъ, боярами вышелъ къ собравшимся. Отслужили молебенъ. Царь обратился къ собору съ такою рѣчью: «Рано Богъ лишилъ меня отца и матери, бояре не заботились обо мнѣ, богатѣли неправдой, тѣснили народъ — никто не мѣшалъ. Сколько слезъ и крови пролилось отъ нихъ. Но Господь разсудитъ. Прошлаго не воротишь, но впередъ я буду спасать отъ притѣсненій и грабительства. Оставьте ненависть и вражду, соединитесь христіанской любовью. Отнынѣ я вамъ судья и защитникъ».

Узналъ царь отъ земскихъ людей, что одолѣваютъ народъ разбойники и лиходѣи, а намѣстники, т.-е. правители, посылаемые изъ Москвы, съ своими судьями плохо съ ними справляются; берутъ за судъ съ населенія большія пошлины и отягощаютъ народъ неправильными и жестокими поборами. Чтобы улучшить дѣло, государь разрѣшилъ въ каждомъ уѣздѣ жителямъ выбирать особыхъ старостъ изъ своей среды; староста былъ обязанъ ловить и судить «лихихъ» людей, которые *губятъ* добро и жизнь народа. Поэтому староста и назывался *губной*.

Многимъ областямъ позволено было совѣмъ обходиться безъ намѣстника; жители ихъ сами избирали своихъ правителей и судей; но зато они должны были отвѣчать круговой порукой за сборъ всѣхъ податей и доставку ихъ въ Москву.

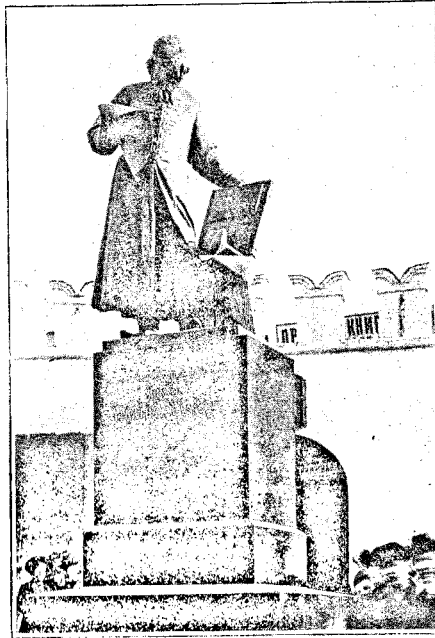
Церковный соборъ (Стоглавый). Въ 1551 г. былъ созванъ церковный соборъ, который разсуждалъ о недостаткахъ

жизни и Церкви. Служба церковная совершалась небрежно, въ церквахъ стояли безчинно въ шапкахъ-тафьяхъ. Иконы писали плохо; подъ христіанскіе праздники, напр., наканунѣ Ивана Крестителя, совершались языческіе обряды; прыгали черезъ костры, бросались въ воду, пѣли языческія пѣсни. Соборъ постановилъ, чтобы выбранный изъ священниковъ староста наблюдалъ за жизнью и за богослуженіемъ. Въ домахъ священно-церковныхъ служителей рѣшено было устроить училища, гдѣ бы дѣти могли учиться читать, писать и пѣть. Иконы опредѣлено было писать съ хорошихъ греческихъ образцовъ. Строго запрещались всякія языческія гаданія и суевѣрія. Не позволялось брить бороду и одѣваться въ чужеземное платье и т. д. Наши старообрядцы и теперь ссылаются на опредѣленіе этого собора относительно «аллилуйя».

Все постановленія собора были записаны и составили сто главъ, почему и самый соборъ называется Стоглавымъ соборомъ.

Начало книгопечатанія. Главная причина всего зла заключалась въ отсутствіи просвѣщенія у нашихъ предковъ. Только въ 1563 году началось въ Россіи книгопечатаніе; замѣчательнымъ человѣкомъ былъ нашъ первый книгопечатникъ — діаконъ московской Гостунской церкви Иванъ Федоровъ.

На окраинѣ Москвы, по Яузѣ, пріютилась Нѣмецкая слобода, гдѣ селились иностранцы, пріѣзжавшіе на службу

„Памятникъ Ивану Федорову
въ Москвѣ“.

къ нашимъ государямъ. Сюда очень часто заглядывалъ Иванъ Ѳеодоровъ и внимательно слушалъ отъ иностранцевъ рассказы о томъ, какъ тамъ у нихъ Іоаннъ Гутенбергъ изобрѣлъ типографскій станокъ и подвижныя буквы. Въ свободное отъ церковной службы время бѣдный, никому неизвѣстный дьяконъ, зажигалъ у себя лучину и при ея тускломъ свѣтѣ пробовалъ отливать формы буквъ, вырѣзалъ рисунки. Работа удавалась. Въ сердцѣ его загорѣлось желаніе подѣлиться своимъ искусствомъ. Узнавъ, что царь ищетъ друкаря (печатника), Иванъ Ѳеодоровъ сѣвши къ Адашеву и просить, чтобы онъ доложилъ о немъ государю. Допущенный къ царю онъ рассказалъ ему о своихъ опытахъ и показалъ ему образцы своего искусства. Всѣ дивились диковинному дѣлу. Царь сказалъ печатнику: «Сколько хочешь казны бери, только выстрой мнѣ друкарню, пускай и у насъ будутъ печататься книги, какъ въ Греціи, Венеціи и прочихъ земляхъ».

Началась постройка печатнаго двора. Къ несчастью, въ это время царь былъ занятъ войнами. Такъ и стоялъ нѣсколько лѣтъ печатный дворъ недостроенный. Тяжело было положеніе Ивана Ѳеодорова, надъ которымъ уже смѣялись и называли его басурманомъ за дружбу съ иноземцами. Но войны кончились. Дворецъ достроили. Закипѣла работа. Въ началѣ марта 1564 года была готова первая печатная книга на Руси Апостоль.

Въ царской палатѣ собрались царь, бояре и лица духовнаго чина. Предъ ними стоялъ смиренный друкарь съ отпечатанной книгой. Царь доволенъ. Въ угоду ему и всѣ другіе дивятся красотѣ книги. Царь ласково говоритъ съ Иваномъ Ѳеодоровымъ и приказываетъ ему приступить къ печатанію «Часовника».

Но вражда и невѣжество дѣлали свое дѣло и разрушили доброе начинаніе перваго нашего печатника. Противъ печатанія книгъ вооружились переписчики, которые лишились своего заработка, и темный народъ, который суевѣрно считалъ, что книгопечатаніе — дѣло нечистой силы. Печатный дворъ подожгли, дьякона Ивана Ѳеодорова и его сотрудника Петра Мстиславца обвинили въ искаженіи книгъ.

Первопечатники убѣжали въ Литву и тамъ продолжали дѣло печатанія славянскихъ церковныхъ книгъ; такъ они отпечатали Евангеліе и Псалтирь.

Покореніе Казани. Золотая Орда, этотъ Змѣй Горынычъ нашего русскаго царства, распалась на части. Образовалось три ханства: Казанское, Астраханское и Крымское. Со времени сверженія Русью татарскаго ига татары и русскіе, очутясь въ близкомъ сосѣдствѣ, не могли, разумѣется, не враждовать между собою. Еще въ правленіе Василія III въ Казани образовалось двѣ партіи: московская, стоявшая за союзъ съ Москвой, и крымская, усердно поддерживавшая сношенія съ крымскими ханами.

При Іоаннѣ Москва поддерживала на казанскомъ престолѣ хана Шигъ-Алея. Противная партія завязала сношенія съ ханомъ Сафа-Гиреемъ, враждебнымъ Москвѣ. Шигъ-Алей бѣжалъ въ Россію, а Сафа-Гирей сѣлъ на казанскомъ престолѣ, но скоро умеръ. Провозгласили царемъ его маленькаго сына.

Два раза Іоанну приходилось предпринимать походы на Казань. Во второй походъ у устья Свіяги при участіи Шигъ-Алея основанъ былъ Свіяжскъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ покорилась и вся горная сторона: чуваши, мордва и черемисы. Русскіе принялись опустошать Казанское царство.

Татары готовы были уступить, дать русскимъ присягу и принять намѣстника. Но въ Казани вспыхнулъ мятежъ. На престолъ казанскій былъ возведенъ астраханскій царевичъ Едигеръ-Магметъ, который далъ своимъ избирателямъ клятву быть непримиримымъ врагомъ Россіи. Тогда Іоаннъ снаряжаетъ войско въ 150 тысячъ и самъ идетъ подъ Казань. Народная пѣсня говоритъ, что сила русская налетѣла на Казань, какъ «орелъ, какъ туча грозная», и

«Первый царь Иванъ Васильевичъ
Сквозь дремучій лѣсъ съ войскомъ силою
Онъ прошелъ страну татарскую,
Сіе царство взялъ Казанское».

Когда подъ Казань шло это огромное войско, то «люди являлись стадами, птицы сами падали передъ нами», го-

ворить очевидецъ. «И такъ Господь пропиталъ насъ и войско ово рыбами, ово иными звѣрьми».

Войско сопровождали искусные инженеры-нѣмцы, умѣвшіе дѣлать подкопы. Въ концѣ августа 1552 г. былъ произведенъ первый приступъ на Казань. Она была обнесена крѣпкою дубовою стѣною. Татары выказали удивительную стойкость и беззавѣтное мужество. Первый приступъ былъ отбитъ. Тогда русскіе окружили Казань кольцомъ плетеныхъ туровъ (коробьевъ съ землею), тыномъ и стѣнобитными башнями съ таранами. Сообщение для татаръ было со всѣхъ сторонъ отрѣзано: они не могли пробираться и къ рѣкѣ Казанкѣ. Но казанцы брали воду изъ ключа «тайникомъ», т.-е. тайнымъ ходомъ. Іоаннъ велѣлъ сдѣлать подкопъ подъ этотъ тайникъ. Черезъ 10 дней работы русскіе услышали, какъ казанцы ходятъ надъ ними, вкатили въ подкопъ 11 бочекъ пороху. Взрывъ уничтожилъ тайникъ. Казанцы массами умирали: имъ приходилось пить грязную смрадную воду. Но они продолжали мужественно обороняться. Какъ кроты, они подкапывались подъ русскія укрѣпленія, дѣлали вылазки, строили свои высокія подвижныя башни, «турусы на колесахъ», и съ нихъ обстрѣливали русскихъ.

На 2 октября былъ назначенъ общій приступъ. Приготовили два громаднхъ подкопа подъ самыя стѣны, вкатили туда бочки съ порохомъ. Рано утромъ 2 октября шла обѣдня въ походной церкви. Вдругъ раздался грохотъ, будто громъ; земля дрогнула, церковь затряслась. Это былъ взрывъ подкопа. Часть стѣны казанской взорвало на воздухъ, летѣли вверхъ и падали внизъ люди, глыбы земли, обломки стѣны и башенъ. Служба продолжалась. Скоро загремѣлъ второй взрывъ, еще болѣе сильный, чѣмъ первый; образовался широкій проломъ въ стѣнѣ. Русскіе воскликнули: «Съ нами Богъ!» и бросились на битву. Татары стояли на стѣнахъ и отчаянно сражались. Пули, камни, стрѣлы жужжали въ воздухѣ. Татары обливали нашихъ горячею смолой, бросали въ нихъ бревна, гибло много народу. Русскіе ворвались въ городъ, и здѣсь, въ

тѣсныхъ улицахъ, происходилъ жестокий бой. Наконецъ русскіе одолѣли, и городъ былъ взятъ.

Князь Воротынский первый извѣстилъ Іоанна о взятіи Казани. Царь водрузилъ собственноручно крестъ у такъ называемыхъ царскихъ воротъ, приказавъ построить первую православную церковь въ Казани. Множество освобожденныхъ въ этотъ день русскихъ плѣнниковъ съ восторгомъ встрѣчали наши войска и Іоанна и привѣтствовали его криками: «Избавитель, ты вывелъ насъ изъ ада»... Едигера увезли плѣнникомъ въ Россію, гдѣ онъ впоследствии принялъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, христіанство. Казань очистили отъ труповъ. Духовенство обошло съ Іоанномъ всю Казань, посвящая ее Богу истинному, и тутъ же на главной площади заложена была церковь-соборъ Благовѣщенія; башни и укрѣпленія были возстановлены и снабжены пушками и гарнизонами.

Вслѣдъ за взятіемъ Казани покорились Москвѣ черемисы. Дольше другихъ упорствовали башкиры, но и они черезъ два года должны были покориться.

Славный покоритель Казани отправился въ Москву. На пути, какъ и въ самой Москвѣ, его принимали съ великой радостью: завоевано было цѣлое царство потомковъ тѣхъ самыхъ татаръ, которые нѣкогда такъ долго и тяжело угнетали насъ.

Желая оставить достойный памятникъ завоеванія Казани, Іоаннъ по прибытіи въ Москву заложилъ у Спасскихъ воротъ величественный храмъ Покрова (или Василія Блаженнаго) о девяти куполахъ, лучший памятникъ русской архитектуры. Старинная рѣзьба русскихъ теремовъ, вышивки на убрусахъ, заставки и рисунки на книгахъ — вполнѣ совпадаютъ съ замысловатыми украшеніями (орнаментомъ) храма Василія Блаженнаго. Храмъ поражалъ своимъ величіемъ настолько, что въ народѣ создалась слѣдующая легенда о судьбѣ его строителя. Архитекторъ этотъ похвалился, что онъ можетъ выстроить лучшее зданіе. Тогда Іоаннъ приказалъ ослѣпить его, не желая, чтобы когда-нибудь было выстроено нѣчто лучшее.

Недавно нашли извѣстіе, что соборъ строили русскіе зодчіе Барма и Постникъ.

Завоеваніе Астрахани. Окончательно утвердился русскимъ въ Приволжьѣ мѣшали многочисленныя и сильныя Орды ногайскихъ татаръ, которыхъ подбивалъ турецкій султанъ; послѣдній не могъ помириться съ тѣмъ, что цѣлый богатый край навѣки ускользнулъ изъ его рукъ. Къ счастью для Москвы, ногайскіе ханы дѣйствовали неумѣло и недружно и нѣкоторые изъ нихъ обращались къ царю московскому. Одинъ обиженный астраханскимъ ханомъ просилъ помощи у Іоанна. Іоаннъ считалъ Астрахань древней принадлежностью Россіи, такъ какъ Астрахань — область древней Тмутаракани, гдѣ княжилъ нѣкогда Мстиславъ, сынъ Владимира Святого.

Въ 1554 г. было послано по Волгѣ немногочисленное, но отборное войско подъ предводительствомъ князя Юрія Ивановича Пронскаго-Шелякина и извѣстнаго своей беззаветной храбростью постельничаго Игнатія Вешнякова. Мимо бывшей татарской столицы Сарая, лежавшей давно въ развалинахъ, наши отряды двинулись на Астрахань. Все бѣжало передъ русскими войсками: они вступили въ безлюдную Астрахань.

Одинъ изъ ногайскихъ князей, около котораго собралось до 500 мурзъ и князей и 10.000 народа, присягнулъ Іоанну. Но онъ недолго оставался ему вѣренъ и задумалъ было отложиться. Тогда уже окончательно Астрахань была взята. Теперь вся Волга была въ рукахъ русскихъ. «По царству и рѣка», сказалъ поэтъ Языковъ.

Война съ Ливоніей. Въ годъ своего вѣнчанія на царство Іоаннъ Грозный посылаетъ на Западъ нѣмца Ивана Шлитте нанять для Россіи побольше разныхъ техниковъ, «хитрыхъ мастеровъ», которые бы умѣли пушки и пицали лить, знали бы руду добывать, были бы слесарями, архитекторами, аптекарями. Иностранцы боялись, какъ бы вслѣдствіе образованія Россія не сдѣлалась еще могущественнѣе. Поэтому, когда Шлитте нанялъ въ Германіи 123 человекъ нужныхъ намъ лицъ и готовился посадить ихъ на корабли въ Любекѣ, ливонскіе нѣмцы выхлопотали у город-

ского управленія и даже у самого германскаго императора приказъ арестовать мастеровъ, а самого Шлитте посадить въ тюрьму. Это событіе говорило Іоанну, что Ливонія должна быть завоевана: иначе Россія никогда не можетъ войти въ близкія сношенія съ Западомъ.

Война была объявлена подъ слѣдующимъ предлогомъ. По старымъ договорамъ съ русскими великими князьями, Ливонія обязана была платить Москвѣ дань за Юрьевскую (Дерптскую) область. Пользуясь тѣмъ, что вниманіе московскихъ государей было отвлечено другими важными дѣлами, ливонцы въ теченіе полувѣка не платили этой дани. Іоаннъ потребовалъ съ нихъ громадныя суммы за всѣ 50 лѣтъ сразу. Рыцари не исполнили этого требованія. Началась война. Ливонія находилась въ это время въ самомъ жалкомъ состояніи. Цвѣтущая пора ордена меченосцевъ миновала. Прежніе грозные рыцари превратились въ богатыхъ помѣщиковъ-бароновъ, жившихъ роскошно на счетъ поработеннаго народа — латышей и финновъ, ненавидѣвшихъ своихъ притѣснителей. Бароны враждовали другъ съ другомъ, торговые города стремились къ полной независимости. Все распадалось.

Война началась очень удачно для русскихъ. Взяты были Нарва, Дерптъ и до 20 другихъ городовъ. Русскія войска стояли подъ Ригой; сожгли множество кораблей въ устьѣ Двины и съ богатой добычей возвратились въ Москву. Тогда ливонцы рѣшили перейти въ подданство къ Польшѣ. Глава Ливоніи, магистръ Кетлеръ, удержалъ за собою только Курляндію и Семигалию и отдался въ зависимость Польшѣ; Кетлеръ сталъ называться герцогомъ курляндскимъ. Кромѣ того, часть Ливоніи отошла къ Даніи, а часть къ Швеціи. Четыре сѣверныхъ государства стали лицомъ другъ къ другу, силой оружія долженъ былъ рѣшиться вопросъ о Балтійскомъ морѣ.

Іоанну хотѣлось покончить дѣло миромъ. Онъ даже думалъ жениться на сестрѣ польскаго короля Сигизмунда-Августа, чтобы послѣ смерти послѣдняго сдѣлаться обладателемъ Польши и Литвы. Однако переговоры ни къ чему не привели.

Страшное время переживала тогда наша родина. Царь сдѣлался жестокъ, учредилъ опричину (см. 171 стр.). И въ такой моментъ пришлось столкнуться сразу съ двумя врагами: съ Польшей и Швеціей.

Въ 1563 году Іоаннъ двинулся самъ съ огромной ратью и осадилъ Полоцкъ. Городъ, стѣны котораго были почти совершенно разбиты, сдался ему черезъ двѣ недѣли. Въ это время князь Курбскій проигралъ битву и бѣжалъ «отъ царскаго гнѣва» въ Литву. Оттуда онъ прислалъ посланіе съ вѣрнымъ слугой Шибановымъ, полное укоризны. Нашъ поэтъ Алексѣй Толстой изобразилъ судьбу несчастнаго Шибанова: царь пронзилъ ногу Шибанова жезломъ въ то время, какъ ему читали посланье Курбскаго, а затѣмъ велѣлъ подвергнуть его пыткамъ, отъ которой Шибановъ умеръ.

Несмотря на рядъ поражений русскихъ, поляки не могли обратно взять Полоцка и соглашались на перемиріе на извѣстныхъ условіяхъ. Іоанну приходилось отказаться отъ морскихъ береговъ: Рига и другія гавани должны были остаться въ рукахъ Польши. Царь рѣшилъ созвать для совѣщанія по этому дѣлу большой Земскій соборъ изъ духовенства, бояръ, дворянъ, знатнѣйшихъ московскихъ купцовъ. Соборъ вполне подкрѣпилъ рѣшеніе царя продолжать войну и добывать всю Ливонію. И Іоаннъ, заключивъ съ Польшей перемиріе на три года, продолжалъ готовиться къ войнѣ.

Между тѣмъ въ Польшѣ, послѣ смерти короля Сигизмунда-Августа, престолъ оставался нѣкоторое время свободнымъ. Его предложили Теодору, сыну Іоанна. Іоаннъ самъ хотѣлъ занять польскій престолъ и медлилъ дать согласіе на то, чтобы Теодоръ занялъ его. Тогда поляки избрали въ короли искуснаго храбраго воеводу Стефана Баторія.

Баторій отнялъ у русскихъ Полоцкъ и все завоеванное въ Ливоніи города, осадилъ г. Псковъ, а шведы отняли у насъ Нарву, Иванъ-Городъ, Ямъ и Копорье. Грозный былъ поставленъ въ необходимость даже при помощи папы добиваться мира съ Польшей. Іоаннъ отправилъ къ

римскому папѣ Григорію XIII посла съ грамотою, въ которой жаловался на Баторіа, поставленнаго султаномъ, и объявлялъ папѣ и австрійскому императору желаніе быть съ ними въ любви и согласіи.

Папа отправилъ посла Антонія Поссевина, въ наказъ которому говорилось, чтобы онъ добился отъ русскихъ принятія католичества. А Грозный далъ такой наказъ приставу, отправлявшемуся встрѣтить Поссевина. «Если посолъ станетъ задирать и говорить о вѣрѣ греческой или римской, то приставу отвѣчать: грамотѣ не учивался, да не говорити ничего про вѣру».

Въ декабрѣ 1581 года начались переговоры между русскими и поляками. Московскіе послы требовали части Ливоніи, но поляки на это говорили: «Ни одной пяди не уступимъ», и хотѣли уѣхать и прервать переговоры, но Антоній ихъ уговаривалъ и возвращалъ нѣсколько разъ. Черезъ мѣсяцъ было заключено перемиріе. Но стали спорить о титулахъ. Московскіе послы хотѣли писать своего государя царемъ. Но Поссевинъ возражалъ, что безъ повелѣнія папы король не можетъ дать ему этого титула. «Уговорить поляковъ и Антонія никакъ было нельзя». Пришлось написать Іоанна царемъ, государемъ Лифляндскимъ и Смоленскимъ только въ московской грамотѣ. И еще изъ-за многого спорили послы. Дѣло дошло даже до того, что Поссевинъ оскорбился выраженіемъ русской грамоты о немъ, какъ о послѣ папы Григорія XIII, и съ сердцемъ воскликнулъ: «Государь вашъ пишетъ папу, какъ простаго папу, а цесарь и всѣ государи христіанскіе пишутъ папу намѣстникомъ Христовымъ и учителемъ всего христіанства». Когда московскіе послы хотѣли написать, что царь *уступаетъ* королю Курляндію и Ливонію, то Поссевинъ опять сталъ кричать, у одного русскаго посла вырвалъ изъ рукъ грамоту, кинулъ ее въ двери, другого взялъ за воротникъ шубы, перевернулъ, пуговицы оборвалъ и кричалъ: «Подите отъ меня изъ избы вонъ!»

Въ концѣ-концовъ наши послы согласились на все, да и поляки-то стали сговорчивѣе послѣ неудачной осады Пскова Баторіемъ.